

Постсоветское пространство во внешней политике США в 1990-е гг. (на примере Стратегий национальной безопасности)

Мацулевич Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В результате победы в Холодной войне США в 1990-е гг. оказались на пике своего могущества. На какое-то время канувшая в Лету биполярность сменилась однополярным мироустройством. Вашингтон стал предпринимать усилия по созданию «мира по-американски», насаждая свое видение дальнейшего развития человечества. основополагающими принципами внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов стали расширение демократии и обеспечения международной безопасности в американском понимании развития нового мирового порядка. Это нашло свое отражение в деятельности США на международной арене в последнем десятилетии XX века.

Цель данного исследования – сравнить подходы администраций Дж. Буша-ст. и У. Дж. Клинтона к постсоветскому пространству, получившие отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Материал и методы. *Источниками написания данной статьи послужили Стратегии национальной безопасности, утвержденные в период с 1993 по 2000 г., и отдельные исследования по внешней политике США. В процессе работы были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования, а также метод дискурс-анализа.*

Результаты и их обсуждение. *После распада Советского Союза Белый дом стремился закрепить американское лидерство в постбиполярном мире путем расширения сферы своего влияния в различных регионах планеты, в том числе и на постсоветском пространстве. В 1990-е гг. особое значение для Вашингтона имела его денуклеаризация и проведение в нем демократических реформ. Американцы полагали, что постсоветское пространство должно быть включено в процессы европейской интеграции. Это полностью соответствовало реализации американских интересов. При этом на стратегические подходы американского руководства к региону влияли внутривнутриполитические процессы развития Америки и текущая обстановка в мире, что находило свое отражение в Стратегиях национальной безопасности США.*

Заключение. *Концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии выступил принцип верховенства национальных интересов США. Центральными приоритетами внешней политики Вашингтона стали распространение демократии и обеспечение стабильности и безопасности в мире на американских условиях. Постсоветское пространство также оказалось в фокусе внимания Соединенных Штатов. Новые независимые государства начали восприниматься американцами в качестве объектов демократизации и включения в западные структуры, организации и интеграционные процессы. По мере затруднения и замедления этого процесса происходит изменение американского видения постсоветского пространства: от восприятия бывших советских республик как неотъемлемых составляющих единого региона до его разделения на составные части по признаку большей готовности отдельных ННГ к включению в систему «западного мира».*

Ключевые слова: *США, постсоветское пространство, Стратегия национальной безопасности, Дж. Буш-старший, У.Дж. Клинтон, новые независимые государства.*

(Ученые записки. – 2021. – Том 33. – С. 28–33)

The Post-Soviet Space in the Us Foreign Policy in the 1990s (on the Example of National Security Strategies)

Matsulevich E.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The United States was at the peak of its power in the 1990s as a result of its victory in the Cold War. For some time, the bipolarity that had fallen into oblivion was replaced by a unipolar world order. Washington commenced making efforts to create an "American style world", instilling its vision of the further development of humanity. The fundamental principles of the foreign policy strategy of the USA were the expansion of democracy and international security in the American understanding of the development of the new world order. This was reflected in the activities of the United States in the international arena in the last decade of the twentieth century.

The purpose of this study is to compare the approaches of the administrations of George W. Bush and William J. Clinton to the post Soviet space, which are reflected in the National Security Strategies of the United States.

Material and methods. *The sources for writing this article are the 1993–2000 National Security Strategies and individual studies on US foreign policy. In the course of the work, general scientific and special historical research methods were used, as well as the method of discourse analysis.*

Findings and their discussion. *After the collapse of the Soviet Union, the White House sought to consolidate American leadership in the post bipolar world by expanding its sphere of influence in various regions of the world, including the post Soviet space. In the 1990s, its denuclearization and the implementation of democratic reforms were of great importance for Washington. The Americans believed that the post Soviet space should have been included in the processes of European integration, which fully corresponded to American interests. At the same time, the strategic approaches of the American leadership to the region were influenced by the internal political processes of American development and the current situation in the world, what was reflected in the US National Security Strategies.*

Conclusion. *The conceptual basis of the American foreign policy strategy was the principle of the supremacy of the national interests of the United States. The central priorities of Washington's foreign policy became the spread of democracy and ensuring stability and security in the world on American terms. The post-Soviet space also became the focus of the United States' attention. The newly independent states began to be perceived by Americans as objects of democratization and inclusion in Western structures, organizations and integration processes. As this process became more difficult and slowed down, the American vision of the post-Soviet space changed: from the perception of the former Soviet republics as integral components of a single region to its division into component parts based on the greater readiness of the individual NIS members to be included in the system of the "Western world".*

Key words: *the USA, the post-Soviet space, National Security Strategy, George W. Bush, William J. Clinton, New Independent States.*

(Scientific notes. – 2021. – Vol. 33. – P. 28–33)

Победа США в Холодной войне привела к кардинальному изменению международной ситуации. В 1990-е гг. Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой, вознамерившейся установить новый мировой порядок, так называемый «мир по-американски». Вашингтон стал активно пропагандировать расширение демократии и насаждение западных ценностей во всех уголках планеты. Не исключением стало и постсоветское пространство, образовавшееся на месте распавшегося СССР. США приступили к вовлечению новых независимых государств в орбиту своей внешней политики. Их деятельность в регионе преследовала цель демократизации ННГ и обеспечения стабильности и безопасности, особенно с учетом наличия на территории Беларуси, Казахстана и Украины ядерного оружия. В первой половине 1990-х гг. именно последний фактор волновал американцев больше всего. По мере его решения, внешнеполитические приоритеты Вашингтона менялись: главным становилось недопущение возрождения в какой-либо форме новой сверхдержавы и максимальный отрыв ННГ от РФ, в связи с нараставшим разочарованием американцев в способности сделать Москву «локомотивом» демократизации региона. Эволюция внешнеполитической деятельности Соединенных Штатов на постсоветском пространстве получила свое отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Цель данного исследования – сравнить подходы администраций Дж. Буша-ст. и У.Дж. Клинтона к постсоветскому пространству, получившие отражение в Стратегиях национальной безопасности США.

Материалы и методы. Источником для исследования послужила Стратегия национальной безопасности – официальный документ руководства США, который несет характер стратегического планирования и видения администрации президента международных процессов, в период президентства Дж. Буша-ст. (1989–1993) и У.Дж. Клинтона (1993–2001). Были

использованы общенаучные методы, которые позволили выделить факторы, повлиявшие на формирование американской внешнеполитической стратегии (метод анализа), привести в систему факты, отражающие общие тенденции и закономерности декларирования принципов политики США в отношении постсоветского пространства (метод синтеза и обобщения), реконструировать общие тенденции изменения восприятия бывших советских республик американским руководством (метод индукции и сравнения). Специально исторические методы позволили показать динамику изменения подходов США к постсоветскому пространству (историко-генетический метод), сопоставить их в периоды президентства Дж. Буша и У.Дж. Клинтона (историко-сравнительный метод), сформулировать особенности и отличия (историко-типологический метод), компоновать материал в хронологической последовательности, в то же время выделяя для анализа наиболее важные закономерности и тенденции (историко-типологический и проблемно-хронологический методы). Метод дискурс-анализа использовался для интерпретации текстов Стратегий национальной безопасности как продуктов деятельности политиков, на которых оказывали влияние различные внутри- и внешнеполитические факторы.

Результаты и их обсуждение. На сегодняшний день вопрос о том, было ли окончание Холодной войны предсказуемым для США, вызывает полемику среди исследователей. Компромиссным вариантом видится утверждение, что ее завершение было ожидаемым для американцев, но в отдаленной перспективе, а не тогда, когда это произошло в 1991 г. [1, р. 27]. Американский исследователь Дж. Э. Энджел на основе анализа материалов Президентской библиотеки Дж. Буша пришел к заключению, что окончание Холодной войны было неожиданностью для Дж. Буша, который «сам не форсировал такие изменения», опасаясь возможной анархии в мировом порядке из-за события

такого масштаба [1, p. 27]. Такое непредсказуемое развитие ситуации привело к тому, что ряд исследователей склонны считать, что администрацией президента не было выработано конкретной концепции внешней политики США, учитывающей новые геополитические условия. В общих чертах внешнеполитические ожидания и намерения Дж. Буша-ст. выражались лишь в различных речах и посланиях [2, с. 103]. Однако такое утверждение справедливо относить к периоду до 1993 г., т.е. до момента принятия обновленной Стратегии национальной безопасности, учитывающей факт исчезновения Советского Союза.

Представляя собой официальный документ планирования, Стратегия национальной безопасности отличается тем, что в ней отражены желаемые результаты, пути и сценарии внешнеполитической деятельности США. Обновляемая каждой новой администрацией она исходит из геополитических условий, с которыми сталкивается американское руководство, и отражает так называемые «внешние вызовы», с которыми планируется бороться для обеспечения национальной безопасности. В то же время быстроменяющаяся международная обстановка приводит к тому, что Стратегия национальной безопасности по прошествии короткого времени после ее принятия в полной мере не учитывает реальное состояние международных отношений. Так Стратегия национальной безопасности, обнародованная 1 августа 1991 г., к концу года уже потеряла свою актуальность в отношении Советского Союза и расстановки политических сил в мире. В то же время выработка нового документа затянулась, что было связано с радикальным изменением международной обстановки и личностным фактором, в первую очередь президента Дж. Буша-ст.

Американские и российские исследователи сходятся во мнении, что Белый дом был не готов отказаться от биполярной системы международных отношений в своей внешнеполитической стратегии [2, с. 104; 3, p. 182; 4, с. 208]. Американский исследователь Б. Шварц оценивает общий подход американского руководства, Пентагона и Государственного департамента к новой Стратегии национальной безопасности как стремление «сохранить статус-кво» [3, p. 182], имея в виду перенос дискурса и установок, используемых ранее в отношении Советского Союза, на новые независимые государства. Действительно для Стратегии национальной безопасности 1993 г. характерно восприятие ННГ в тесной привязке к их советскому прошлому. Кроме того, Дж. Буш-ст. перенял подход Р. Рейгана, использовавшего стратегию «распространения демократии» как средство «вытеснения коммунистической идеологии и утверждения американского влияния» в мире [4, с. 208]. Несмотря на то, что Соединенные Штаты позиционировали себя в качестве победителя в Холодной войне, и подчеркивали, что главный их враг потерпел поражение, неизменным остался основной подход США к теперь уже бывшим советским республикам – восприятие их как потенциального врага.

В целом, Белый дом исходил из позиции американского лидерства в мире как гарантии стабильности, безопасности и демократичности мирового порядка (*“the United States remains the nation whose strength and leadership are essential to a stable and democratic world order”*) [5, p. 1]. Именно поэтому США должны были «помочь» перейти постсоветским государствам к демократии [5, p. 1, 3], оставляя за собой роль помощника и советника в этом процессе [5, p. Preceding Page Blank]. Кроме того, окончательное закрепление за Соединенными Штатами статуса победителя в Холодной войне было возможно только в случае успеха распространения американского порядка и западного пути развития на государства бывшего Советского Союза (*“After sacrificing so much to contain and defeat Communism, we must act to assure its replacement by democracy, freedom, and human rights”*) [5, p. 6]. В связи с этим экономические и политические реформы на постсоветском пространстве составляли приоритет внешнеполитической деятельности США в данном регионе [5, p. 6]. Инструментами для осуществления поставленной цели должны были стать поддержка политических реформ (*“firm political support for reform movements”*) и расширение государственной и неправительственной помощи (*“extension of broad-based government and non-government assistance”*). Планировалось содействовать макроэкономическим изменениям для обеспечения институциональных реформ в постсоветских государствах (*“macro-economic support to enhance the prospects for long-term institutional reform”*), оказывать техническую экономическую помощь, а также гуманитарную и медицинскую поддержку для обеспечения стабильности общества региона (*“technical economic assistance, and humanitarian and medical assistance to promote short term stability”*) [5, p. 6].

Постсоветское пространство рассматривалось Соединенными Штатами как потенциальная угроза национальным интересам в случае его развития по другому пути, недемократическому, непроамериканскому (*“Nothing would more profoundly enhance our security than to have our former adversaries succeed in establishing stable democratic, free market systems”*) [5, p. 6]. Это было также связано с тем, что, несмотря на сокращение угрозы термоядерной войны после окончания Холодной войны [5, Preface], не была ликвидирована угроза распространения оружия, в частности ядерного, и секретных технологий его производства [5, p. 1, 16, 20]. Вместе с тем отдельное внимание привлекали Украина, Беларусь и Казахстан, на территории которых оставалось советское ядерное оружие [5, p. 19]. С повестки дня не уходила также потенциальная возможность возникновения новых региональных конфликтов, что несло угрозу для распространения американского влияния в зоне своих интересов, защита которой объявлялась миссией США [5, p. 1, 7, 13].

Стратегии национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона основывались на таких же позициях, однако отдельные пункты и общие подходы

получили свое дальнейшее развитие. Так, в период нахождения у власти первой администрации У.Дж. Клинтона фактор ядерного оружия стал доминирующим в отношениях США с постсоветскими государствами. Акцент Вашингтона сместился не столько на продвижение демократии в этих странах, сколько на обеспечение безопасности, особенно ядерной, в регионе и в мире. На повестке дня стоял вопрос обновления советской договорной базы в сфере контроля над вооружениями, в частности Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) [6, р. 12]. Кроме того, ядерный фактор использовался Вашингтоном для укрепления «международной коалиции демократий» (*“international coalition of democracies”*) [1, р. 35]), подразумеваемая под этим взаимодействие США и Европейского союза (ЕС), деятельность Организации объединенных наций (ООН) и Организации Североатлантического договора (НАТО), и выдвижения США на лидирующие позиции внутри них [6, р. 6]. Таким образом, США брали на себя роль «мирового защитника», а постсоветский регион выступал площадкой, на которой Вашингтон мог раскрыть и укрепить такой имидж.

Корректирование внешнеполитической стратегии традиционно было связано не только с событиями в сфере международных отношений и новыми внешними вызовами, но и было продиктовано внутренними процессами в США. Причина, по которой каждая новая администрация президента вырабатывала свою Стратегию национальной безопасности, заключается в необходимости учитывать ошибки президента-предшественника и ожидания населения от новой власти. В первую очередь У.Дж. Клинтон был вынужден бороться с экономическим кризисом, который наступил в период президентства Дж. Буша-ст. и не позволил республиканцам заручиться должной поддержкой на президентских выборах 1992 г. Обозначенное выше желание США укрепить «международные коалиции демократий» (взаимодействие США и ЕС, деятельность ООН и НАТО) было связано, в т.ч. с внутренними потребностями Белого дома снизить экономические потери от внешнеполитической деятельности, разделив затраты со своими союзниками. Администрация демократа У.Дж. Клинтона также учла, что американское общество болезненно относится к внешнеполитическим инициативам в условиях ухудшения внутриэкономической стабильности [7, с. 79]. Вследствие этого была обозначена необходимость активной международной деятельности для решения внутренних проблем, в частности для развития экономики с помощью активизации международной торговли. Еще при Дж. Буше-ст. важным аспектом реализации американских интересов в регионе являлись демократические и экономические реформы в новых независимых государствах и их включение в систему мирового свободного рынка [5, р. 6]. В Стратегиях национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона эти тезисы были дополнены, а интересы США были более четко обозначены: сделать из

постсоветских государств «клиентов для товаров и услуг Америки и Западной Европы» (*“customers for America's and Western Europe's goods and services”*) [6, р. 23], т.е. получить выгоды для себя.

К середине 1990-х гг. декларировалось, что постсоветское пространство представляло наибольший стратегический интерес [8, р. 2]. Причина, по которой об этом заговорили открыто только тогда, видится в постепенном понимании того, что предполагаемый американский сценарий развития ННГ шел медленнее, чем ожидалось. Вашингтон обратил внимание на внутренние социальные проблемы постсоветских государств, которые стали следствием экономического кризиса после распада СССР [6, р. 23], что тормозило проведение каких-либо реформ. О непосредственном появлении новых угроз и вызовов в связи с распадом Советского Союза впервые было сказано в Стратегии национальной безопасности 1997 г. [9, р. (4)]. К рубежу тысячелетий стало очевидно, что трансформационные процессы по американскому сценарию затянулись и создали новые угрозы мировому порядку и национальным интересам США. В частности, в постсоветском регионе возникали новые региональные конфликты (в Стратегии национальной безопасности нашла отражение обеспокоенность событиями в Чечне [10, р. 32]), распространялась организованная преступность, которую США сравнивали с нарушением закона картелями Италии, группировками Колумбии, Юго-Восточной Азии и Нигерии, а также финансовая преступность, включая компьютерное мошенничество [9, р. (13)]. В связи с этим продолжение демократического перехода в этих государствах объявлялось долгосрочной перспективной целью [10, р. 32]. По этим же причинам особое внимание стало уделяться анализу проведенных в постсоветских странах реформ, особенно в Украине и в России.

Украина стала той страной, которой, по заявлениям Белого Дома, оказывалась наибольшая помощь [8, р. 5]. Особое внимание к ней было продиктовано ее выгодным геополитическим положением. Помимо этого фактора и ядерного статуса Украины, дополнительное финансирование было связано с тем, что составной частью проблемы безопасности в постсоветском регионе для США и мирового сообщества стала проблема экологии, что было вызвано в первую очередь последствиями Чернобыльской катастрофы. Украина в данном контексте выступала как наиболее пострадавшая страна, а также как государство, которое должно обеспечить консервацию Чернобыльской атомной электростанции. Такая американская политика, как мы отметили ранее, позволяла распространять в мировом сообществе положительный имидж США.

Характерной чертой текстов Стратегий национальной безопасности администраций У.Дж. Клинтона стало отделение Российской Федерации от остальных постсоветских стран. Особое отношение к РФ строилось, исходя из ее ядерного статуса. Первоочередное значение в деле сокращения вооружения и распростра-

нения технологий его создания отводилось именно ей, а также Украине [6, р. 11]. Однако были и другие причины, из-за которых в Стратегии национальной безопасности 1996 г. Россия была поставлена в один ряд с великими державами (*“great powers”*), несмотря на ее трудности демократической трансформации [9, р. 1]. При этом Соединенные Штаты констатировали, что будущее России неопределенно, а также обозначили, что с другими постсоветскими государствами диалог идет более конструктивно (*“While our relations with the other great powers are as constructive as at any point in this century, Russia’s future is uncertain”*) [6, р. 1]. Тем не менее, США видели в РФ «ключевой элемент» при осуществлении американской миссии в постсоветском регионе, фактор, который влияет на все постсоветские государства (*“If we can support and help consolidate democratic and market reforms in Russia (and the other newly independent states), we can help turn a former threat into a region of valued diplomatic and economic partners”*) [6, р. 19]; *“But the circumstances affecting the smaller countries depend in significant measure on the fate of reform in the largest and most powerful Russia”*) [9, р. (26)], в связи с чем реформирование России было обозначено как важнейшая цель в контексте развития постсоветского региона и распространения американской сферы влияния. Именно поэтому установление отношений России с НАТО стало отдельной задачей Стратегии национальной безопасности 1997 г. [9, р. (25)], что было связано с доминирующей позицией РФ среди постсоветских стран, в т.ч. ее ролью консолидирующего центра в рамках Договора о коллективной безопасности. Учитывая это, а также роль России в урегулировании боснийского конфликта [6, р. 21] и наличие контингента российских войск в ряде постсоветских стран (Грузии и Молдове [10, р. 32]), она рассматривалась как главный американский союзник в регионе (*“We must continue to help lead the effort to mobilize international resources, as we have with Russia and the other new states”*) [6, р. 19].

Характеристика американско-российских отношений в 1990-е гг. как партнерства применялась рядом экспертов [11]. Однако, в целом, в отношении постсоветского пространства, установление двусторонних отношений являлось инструментом Вашингтона для включения ННГ в зону его влияния, точно так же как американское доминирование в международных структурах и прямые инвестиции в экономику постсоветских стран [9, р. (26)]. При этом построение тесных партнерских отношений могло быть возможно только при условии проведения в России, как и в других ННГ, демократических реформ, что составляло главную цель Вашингтона в отношении Москвы. Реформы в России по западному пути, являясь «одним из величайших исторических событий этого века» (*“one of the great historical events of this century”*) [6, р. 23], означали бы закрепление победы США в Холодной войне.

«Отделение» России от других постсоветских государств было не единственным изменением, которое произошло в американском дискурсе в отношении понятия «постсоветское пространство». В период администрации Дж. Буша-ст. США понимали под этим термином единый регион, к взаимодействию с государствами которого предполагалось использовать общий подход (*“In some areas, particularly with the independent states of the former Soviet Union, we can now afford to take unilateral steps, often based on anticipated reciprocity. In others, we continue to require formal agreements, but those can be arrived at far more quickly than before”*) [5, р. 17]. При администрациях У.Дж. Клинтона бывшие советские республики перестали рассматриваться как единый регион, объединенный советским прошлым. Европейская часть бывшего Советского Союза с 1995 г. была включена в понятие «Восточная Европа». Ее интеграция в европейское пространство рассматривалась в контексте создания «свободной и неразделенной Европы» (*“a free and undivided Europe”*) [6, р. 21], а также поддержания безопасности в Европе [6, р. 2]. Таким образом, анализ видения путей реформирования ННГ и изучение американского дискурса позволяют сделать вывод о том, что постсоветское пространство, с точки зрения Вашингтона, должно было быть включено в процессы европейской интеграции. При этом интеграционные процессы на постсоветской основе, в частности функционирование Содружества Независимых Государств (СНГ), никак не упоминались, а следовательно, не рассматривались Соединенными Штатами как альтернативный путь развития этих стран. С 1996 г. «новые демократии в Восточной и Центральной Европе» воспринимались как потенциальные члены на интеграцию в европейские структуры (НАТО и ЕС) [9, р. 32]. К концу 1990-х гг. наиболее отвечали критериям такого сценария прибалтийские страны (Литва, Латвия, Эстония), с которыми 16 января 1998 г. США подписали Хартию партнерства [12, р. 39]. Поэтому им стало уделяться отдельное внимание в Стратегиях национальной безопасности, а целью стала их интеграция в трансатлантическое сообщество и Северо-Восточный регион Европы [12, р. 39]. В итоге, сначала ННГ необходимо было интегрировать в структуры европейской безопасности, в частности в программу НАТО «Партнерство ради мира» [12, р. 39], а затем, после их демократизации, включить в мировые рыночные структуры, в частности в Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ) [8, р. 23] и во Всемирную торговую организацию (ВТО) [12, р. 39]. Заключительным шагом должна была стать интеграция ННГ в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Совет Европы, НАТО, ЕС [13, р. 45]. При этом, как и России, центральноазиатским республикам отводилась отдельная роль: они воспринимались как коридоры транзита нефти и газа, а также буфер на пути распространения китайской сферы влияния [12, р. 41].

Заключение. В 1990-е гг. концептуальным основанием американской внешнеполитической стратегии стал принцип верховенства национальных интересов Соединенных Штатов (обеспечение безопасности (защита жизни своих граждан) и экономического процветания США). В связи с этим центральными приоритетами внешней политики Вашингтона были: 1) распространение демократии и 2) обеспечение стабильности и безопасности в мире. Для этого предусматривалось реализовать следующие цели при взаимодействии с постсоветским регионом: 1) снизить угрозу возникновения новых и развития действующих региональных и мировых конфликтов; 2) закрепить американское мировое лидерство и статус победителя в Холодной войне, тем самым расширив зону своего политического влияния; 3) использовать геополитический потенциал ННГ для реализации своих экономических интересов.

В целом, постсоветские государства воспринимались США как внешнеполитические объекты, которые должны были следовать по «американскому пути» развития, т.е. осуществить реформы по демократизации и либерализации политической и социально-экономической сфер. В итоге их предстояло включить в западные структуры, организации и интеграционные процессы. По мере затруднения и замедления этого процесса, что стало очевидно в период президентства У.Дж. Клинтона, происходит изменение американского видения «постсоветского пространства»: от восприятия бывших советских республик как единого региона до его разделения на составные части по признаку большей готовности отдельных государств к включению в «западный мир» и их желания идти по пути евроатлантического сотрудничества. Такой подход Вашингтона к ННГ был продиктован как внешними вызовами, так и внутренними факторами. Внешними вызовами, которые диктовали вовлеченность США в дела бывших советских республик, являлись: 1) региональные конфликты, 2) «расползание» советского ядерного оружия, 3) экологические проблемы, 4) непредсказуемость политической ситуации в постсоветских странах, 5) глобальные экономические потрясения на фоне геополитических изменений. Что касается внутренних обстоятельств эволюции внешней политики Соединенных Штатов на постсоветском пространстве, то они обуславливались, в первую очередь, необходимостью поддержания экономической и социальной стабильности.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», подпрограммы «История» по заданию 12.1.06. Тема НИР «Западный вектор внешней политики Республики Беларусь и Российской Федерации в условиях геополитической трансформации современного миропорядка» (Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А.П. Косов).

Литература

1. Engel, J.A. A Better World... but Don't Get Carried Away: The Foreign Policy of George H.W. Bush Twenty Years On / J.A. Engel // *Diplomatic History*. – 2010. – Vol. 34, No. 1. – January. – P. 25–46.
2. Журбей, Е.В. Внешняя политика и внешнеполитический процесс администрации Дж. Буша-старшего / Е.В. Журбей // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2010. – № 4(15). – С. 101–112.
3. Schwarz, B.C. The Arcana of Empire And the Dilemma Of American National Security / B.C. Schwarz // *Salmagundi*. – 1994. – No. 101/102. – P. 182–211.
4. Белевцева, С.Н. Стратегия «Распространения демократии» как механизм достижения американских внешнеполитических целей (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) / С.Н. Белевцева // *Самар. науч. вестн.* – 2019. – № 1(26). – С. 208–213.
5. National Security Strategy of the United States [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1993. – January 01. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf>. – Date of access: 08.05.2021.
6. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1994. – July. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1994.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
7. Журбей, Е.В. Стратегия национальной безопасности США в 90-е гг. XX в. / Е.В. Журбей // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. – 2015. – № 2(33). – С. 75–108.
8. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1995. – February. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1995.pdf>. – Date of access: 09.05.2021.
9. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1997. – May. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1997.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
10. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1999. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2000.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
11. Косов, А.П. Российские интерпретации концепции «Партнерства» российско-американских отношений / А.П. Косов // *Европа: актуальные проблемы этнокультуры: материалы Междунар. науч.-теорет. конф.*, Минск, 27 апр. 2007 г. – Минск: БГПУ, 2007. – С. 181–183.
12. A National Security Strategy for A New Century [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 1998. – October. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1998.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.
13. A National Security Strategy For A Global Age [Electronic resource] // *National Security Strategy Archive*. – 2000. – December. – Mode of access: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/2001.pdf>. – Date of access: 10.05.2021.

Поступила в редакцию 04.06.2021